

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

4

Сергей Алексеев

**Собрание сочинений.
Том 4. Красные и белые.
Будущее начинали они.
Наш колхоз стоит на горке**

Издательство «Детская литература»

1958-1996

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

Алексеев С. П.

Собрание сочинений. Том 4. Красные и белые. Будущее начинали они. Наш колхоз стоит на горке / С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература», 1958-1996

ISBN 978-5-08-005284-2

В четвертый том пятитомного Собрания сочинений известного детского писателя Сергея Петровича Алексеева (1922–2008) вошли произведения о создании Красной Армии, ее бесстрашных бойцах и их борьбе в годы Гражданской войны с иностранными интервентами и белыми генералами, о мирном труде рабочих и колхозников в годы первых пятилеток, о героях труда – стахановцах, о великих народных стройках: Магнитогорском металлургическом комбинате, Днепрогэсе, Турксибе, Комсомольске-на-Амуре. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

ISBN 978-5-08-005284-2

© Алексеев С. П., 1958-1996
© Издательство «Детская
литература», 1958-1996

Содержание

Красные и белые	6
Глава первая	7
Бежал	7
«Желает знать»	8
«Седлаем лошадей»	10
Автомобиль	11
Отлетел	12
Духонин	12
Каледин	13
«Романтическая фигура»	14
В кольцо врагов	15
Почему да почему	16
День рождения	17
Сто тысяч марок	17
«Погибаю, но не сдаюсь!»	18
Кайзер	20
Продали	21
«Слушай мою команду!»	22
Симбирск и Самара	23
Скоропадские	24
Группа Якира	25
Котовский	25
Влетел и вылетел	27
Пуговица	28
Из далекого штата Мэн	29
«Жду скорого ответа»	30
Подарок Ленину	31
Недобрая сила	32
«Ехал Грека...»	33
Забей-ворота и Мухоперек	34
Командарм Десятой	35
Добыча	37
История с продолжением	38
Бакинские комиссары	39
Джентльмен	39
«Олсо белив!»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Алексеев
Собрание сочинений. Том 4.
Красные и белые. Будущее начинали
они. Наш колхоз стоит на горке

- © Алексеев С. П., наследники, 2014
- © Алексеева В. А., составление, 2014
- © Непомнящий Л. М., иллюстрации, 1982
- © Мазурин Г. А., иллюстрации, 2014
- © Годин И. М., наследники, иллюстрации, 1979
- © Тамбовкин А. Г., наследники, иллюстрации, 1987
- © Метченко Г. И., иллюстрации, 1987
- © Григоренко М. В., 2014

Красные и белые Рассказы о Гражданской войне, о Красной Армии и ее бесстрашных бойцах, о наших победах над иностранными интервентами и белыми генералами

В октябре 1917 года в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Власть капиталистов и помещиков была свергнута. Главой первого советского рабоче-крестьянского правительства стал Владимир Ильич Ленин.

Трудно было народной власти. Со всех сторон обрушились на нее враги. Поднялись бывшие царские генералы. Вспыхнули белогвардейские мятежи. На помощь русским капиталистам и помещикам пришли иностранные захватчики.

Советская Россия оказалась в кольце фронтов.

Рабочие и крестьяне поднялись на защиту Советской власти. Чтобы дать отпор врагам, они создали свою рабоче-крестьянскую Красную Армию.

На севере, на юге, на западе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке – всюду шли упорные бои.

О героях Гражданской войны, о том, как Красная Армия сражалась и одерживала победы над врагами, как советские люди защитили свою страну и Советскую власть от белых генералов и иностранных интервентов, вы и узнаете из рассказов «Красные и белые».

Глава первая Враги с четырех сторон

Бежал

25 октября 1917 года. Петроград. Победная ночь. Революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец, ворвались в комнату, в которой заседали министры Временного правительства.

– Вы арестованы!

И вдруг:

– Бежал! Бежал!

– Кто бежал?

– Керенский!

Керенский был председателем буржуазного Временного правительства. Среди арестованных министров Керенского не оказалось.

Ищут Керенского, объясняют:

– Такой довольно высокий, в военном френче, на ногах ботинки с крагами.

– Нет, не видели.

– Ну, такой приметный – щека чуть дергается, с ежиком на голове.

Скрылся куда-то Керенский.

А в это время по Петрограду, по всей России:

– Революция! Революция! Революция!

– Скинута власть богатеев!

– Рабоче-крестьянская новая власть!

Поражался Гринька Затворов: вчера еще власть была у буржуев, сегодня – рабоче-крестьянская стала власть.

Объясняют Гриньке Затворову:

– Переворот. Революция. Конец старому. Несправедливому. Кто пашет, кто сеет, кто у станков, у машин стоит, кто страны создает богатства, тот отныне и государством правит.

Дотошлив Гринька:

– Значит, заводы – рабочим?

– Верно, Гринька!

– Землю – крестьянам?

– Верно, Гринька!

– Мир всем народам?

– Так точно, Гринька!

Счастлив Гринька.

Счастливы люди.

Солнце на небе для всех сияет.

Однако не смирились капиталисты и помещики с потерей земли и заводов, с потерей своих прав и своих богатств. Пошли они войной против трудового народа.

Бежал Керенский из Зимнего дворца. Не задержали его. Проскочил незаметно. Тайно пробрался Керенский в город Псков. Собрал здесь верные Временному правительству войска, двинул войска на революционный Петроград.

27 октября 1917 года солдаты Керенского вступили в Гатчину. На следующий день захватили Царское Село (теперь это город Пушкин). Враги подошли к Петрограду.

Вечером на минутку забежал домой Алексей Затворов – старший брат Гриньки Затворова. Был он с винтовкой. У пояса – две гранаты.

Посмотрел отец на старшего сына:

– Выходит, опять война.

– Война, – ответил Алексей Затворов. – Война, да особая. Сила, батя, сойдется с силой.

Правда с неправдой встретятся.

Солнце назад не катится. Реки назад не движутся. Люди к новому, к лучшему тянутся. О легендарном, героическом времени, о тяжелых годах испытаний, о Гражданской войне в России начинается наш рассказ.

«Желает знать»

Всколыхнулся трудовой Петроград. Загудели тревожно гудки на заводах и фабриках.

– Враг у ворот Петрограда!

– Бой предстоит с Керенским!

Создаются красногвардейские отряды. Рождаются новые. Пополняются старые. Идут рабочие с Путиловского, с Балтийского, с Адмиралтейского, с других заводов.

– Принимай, революция, пополнение!

Присоединяются к рабочим отряды солдат Петроградского гарнизона. Красные ленточки на шинелях.

– Принимай, революция, пополнение!

Спешат матросы из Кронштадта, из балтийских фортов и баз.

Вечер. Революционный военный штаб. Склонились Антонов-Овсеенко и Подвойский над картой. Изучают, где и как расположены революционные войска, где, в каких местах находятся войска Керенского.

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко и Николай Ильич Подвойский – испытанные большевики. Они в числе тех, кому поручено руководить обороной Петрограда.

Изучают Антонов-Овсеенко и Подвойский карту. Вдруг стук. Открывается дверь. Оторвались Антонов-Овсеенко и Подвойский от карты, подняли глаза. Видят: в комнату входит Ленин.

– Владимир Ильич!

– Здравствуйте, – поздоровался Ленин.

– Здравствуйте, Владимир Ильич!

Смутились Антонов-Овсеенко и Подвойский. Не ожидали прихода Ленина.

– Как у путиловцев? – сразу же с вопросом обратился товарищ Ленин.

Объясняют Антонов-Овсеенко и Подвойский, как дела обстоят на Путиловском заводе.

– Создают, Владимир Ильич, путиловские рабочие боевые красногвардейские отряды, – доложил Антонов-Овсеенко.

– Готовят для защитников Петрограда вооружение, – доложил Подвойский.

– Монтируют пушки, – внес уточнение Антонов-Овсеенко.

– Изготавливают гранаты, – добавил Подвойский.

Доволен ответами Ленин.

– А как с кораблями Балтийского флота?

Докладывают Антонов-Овсеенко и Подвойский и про сухопутные матросские отряды, и про то, что приведены в боевую готовность военные корабли.

Перечисляют названия кораблей: крейсер «Олег», миноносцы «Меткий» и «Деятельный», эсминцы «Победитель» и «Забияка».

– И «Забияка»? – усмехнулся Владимир Ильич забавному названию корабля.

– И «Забияка», – усмехнулись Подвойский и Антонов-Овсеенко.

Все новые и новые вопросы у Владимира Ильича. Требуется Ленин точных и ясных на все ответов. Какова общая готовность к борьбе с врагом? Как дела с транспортом, как с оружием? Где сейчас Керенский? Где и как расположились войска революционные?

Помрачнел чуть Подвойский. Заметил это Владимир Ильич:

– Вас что-то тревожит?

Признался Подвойский: мол, как понять Владимира Ильича, не означает ли приход товарища Ленина сюда, в штаб, как недоверие к нему, к Подвойскому, или к Антонову-Овсеенко.

– Недоверие? – удивился Ленин. – Недоверие?! – И вдруг расхохотался. – Нет. Не недоверие, – сказал Владимир Ильич, – а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти. Вы что, возражаете? – неожиданно спросил Ленин.

– Нет-нет, – поспешно ответил Подвойский. Смутился. Искоса глянул на Антонова-Овсеенко; оба теперь посмотрели на Ленина.

– Правительство рабочих и крестьян желает знать, – повторил Владимир Ильич, – обязательно знать, как действуют его военные власти.

Снова пошли вопросы. Снова пошли ответы. Доволен остался Владимир Ильич ответами. Вернулся к себе из штаба:

– Ну что же, прекрасно действуют наши военные власти.

С первого и до последнего дня вооруженной борьбы за Советскую власть Владимир Ильич Ленин внимательно следил за тем, что происходит на фронтах Гражданской войны, был организатором и вдохновителем наших побед над врагами.

«Седлаем лошадей»

Плохо у Керенского со сторонниками. Немногие солдаты согласились выступить против революционного Петрограда. Пехотинцев Керенский требовал. Отказались. Артиллеристов требовал. Отказались. К самокатчикам обращался. Не пошли за Керенским самокатчики. Находят солдаты причины разные. Не выполняют приказы своих начальников.

– К казакам обратиться надо, к казакам, – шепчут Керенскому советчики.

Большая надежда у Керенского на казаков. Удалой народ и отважный. Не раз использовали в прежние времена казаков для борьбы с трудовым народом. Однако и казаки не очень торопятся к Керенскому. Некоторые присоединились. Однако другие медлят.

Вот как рассуждали в большинстве казачьих полков:

– Пехота не двинулась.

– Артиллерия не помогает.

– Самокатчики в бой не рвутся.

– Стоит ли нам торопиться.

Поступает от Керенского приказ:

– Прислать казаков.

Приходит ответ:

– Будет исполнено.

Ответ приходит, однако самих казаков что-то не видно.

– Что там такое? – возмущается Керенский.

Приходит ответ:

– Кони не кованы. Подковываем лошадей.

Передают помощники Керенскому:

– Кони у них не кованы. Подковывают казаки лошадей.

Проходит какое-то время. Не появляется что-то помощь. Снова в казацкие части летит запрос.

– Готовы, готовы, – приходит ответ. – Седлаем уже лошадей.

Сообщают помощники Керенскому:

– Готовы казацкие сотни. Седлают уже лошадей.

Проходит снова какое-то время. Однако, как и прежде, что-то не слышится стук копыт.

– В чем дело?! – начинает нервничать Керенский.

Приходит ответ:

– Кони не поены. Поим перед выездом лошадей.

Передают помощники Керенскому:

– Кони у них не поены. Поют перед выездом лошадей.

Так и не прибыла помощь к Керенскому. Мало того – многие из тех, кто раньше пошел за Керенским, отказались теперь сражаться против Советской власти.

Конечно, не все тут просто. Не все само по себе решилось. Большевиков было много в армии. Страстных бойцов-агитаторов. Разъясняли они солдатам, зачем, с какой целью причался к солдатам Керенский, против кого открыть огонь предстоит солдатам.

Немного солдат собралось у Керенского. И все же по тем временам грозная, опасная сила подошла к Петрограду.

Повис над Петроградом, как ворон, Керенский.

Автомобиль

Случайно он был задержан. Мчал автомобиль по одной из петроградских улиц. Вдруг – красногвардейский патруль.

– Стой!

– Кто такие?

– Куда?

– Откуда?

Показались красногвардейцам люди, сидящие в автомобиле, подозрительными. Остановили они автомобиль. Стали у пассажиров проверять документы.

В числе патрульных был пожилой красногвардеец – рабочий с Путиловского завода. Глазаст, как ястреб, старик с Путиловского. Заметил он, как один из задержанных поспешно вытаскивал что-то из кармана и быстро отбросил в сторону.

Подожел красногвардеец к тому месту, наклонился. Смотрит – бумаги. Поднял старик бумаги. Развернул. И что же?

Очень важными оказались бумаги. Непокойно было в те дни в Петрограде. Зашевелились, задвигались все недовольные новой властью. Стали они в Петрограде готовить военный мятеж. Хотели помочь Керенскому. Мятеж должны были поднять бывшие царские офицеры и юнкера военных училищ. В бумагах, которые пытался выбросить один из пассажиров задержанного автомобиля, как раз и находился план офицерского контрреволюционного мятежа. «Контр» означает «против». Контрреволюционер – это тот, кто выступает против революции.

Узнали контрреволюционеры, что их планы раскрыты, что их бумаги попали в руки красногвардейцев. Дали команду немедленно выступить против Советской власти.

Многие к выступлению были тогда готовы. Юнкера Владимирского военного училища, юнкера Павловского училища, Николаевского, Константиновского, Инженерного. Даже в Петрограде находились специально присланные сюда офицерские отряды. Во многих богатых домах Петрограда хранилось оружие, тайно враги скрывались.

Вспыхнул мятеж. Захватили мятежники центральную телефонную станцию, ряд других важных зданий.

На борьбу с контрреволюционными офицерами и юнкерами были брошены красногвардейские отряды.

Решительно действовали красногвардейцы. Штурмом взяли они юнкерские училища. Освободили от мятежников центральную телефонную станцию. Даже пушку привезли сюда на трамвае, прицепили ее к вагону. Впервые так пушка ехала.

Видят мятежники: пушка. Видят: несут снаряды. Не пришлось красногвардейцам из пушки выстрелить. Сдались. Руки подняли юнкера.

Пытались мятежники помочь своим выступлением Керенскому. Не получилось. Провалился офицерский контрреволюционный мятеж в Петрограде.

Обсуждали красногвардейцы свою победу:

– Хорошо, что вовремя узнали о мятеже!

– Хорошо, что случайно задержали автомобиль!

– Хорошо, что нашли бумаги!

Слушал, слушал старик с Путиловского.

– Случайно... – ворчал. – Случайно. Случайно задержали автомобиль. Случайно нашли бумаги. Да не случайно врагов разбили. – Сжал свою руку в огромный кулак: – Сила с нами! Вера за нами! Вот и победа наша.

Отлетел

Рвется Керенский к Петрограду. Загрохотали под Пулковом пушки. Пулково, Красное Село, Царское Село, деревня Новые Сузы – здесь основные идут бои.

Особенно сильную атаку сторонники Керенского предприняли у левого склона Пулковских высот. Стараются найти слабое место в обороне защитников Петрограда. На помощь войскам Керенского пришел офицерский бронепоезд. Начал он ураганный огонь по красногвардейским отрядам. Слышат солдаты выстрелы своего бронепоезда, еще сильнее ведут атаку.

Самого бронепоезда не видно. Укрылся, спрятался за железнодорожной насыпью. Бьет через насыпь перекатным огнем. Летят из-за насыпи снаряды. Несут потери защитники Петрограда.

Нашлись находчивые среди красногвардейцев. Решили проучить вражеский бронепоезд. Собрались семь человек. Поползли осторожно к насыпи, затем так же осторожно стали подниматься по насыпи. Добрались до самого верха. Вот он – виден, открылся враг.

Поднялся первый красногвардеец, занес гранату. Полетела граната в неприятельский бронепоезд.

Поднялся второй. Занес гранату. Летит граната.

Поднялся третий, связка гранат в руках. Полетела снарядом связка.

Заметила команда бронепоезда смельчаков на насыпи. Открыла пулеметный огонь. Да только помогает отважным все та же насыпь. Прилягут за насыпью, переждут пулеметный огонь. Поднимутся, снова летят гранаты.

Наносят гранаты удар врагу. Все опаснее бронепоезду находиться в своем укрытии. Подорвут паровоз гранаты, испортят рельсы. Как в мышеловке окажется бронепоезд.

Не выдержал бронепоезд. «Сдали нервы». Дал задний ход.

– Отходит, отходит! – кричат герои.

А вскоре и вовсе разбит был под Пулковом Керенский.

Снова Керенскому бегством пришлось спасаться. Натянул бескозырку, надел бушлат. Под видом рядового матроса скрылся. Навсегда бежал теперь Керенский. Добрался до Белого моря, до города Архангельска. Оттуда на английском корабле перебрался в Англию, затем во Францию. А из Франции бежал еще дальше, по ту сторону земного шара – в Соединенные Штаты Америки. Шутили потом в России:

– Тряхнула его Россия. За десять морей отлетел.

Духонин

Первым декретом Советской власти был знаменитый Декрет о мире.

– Мир! Мир! Всем народам и странам мир!

Тяжелое было время. Шла мировая война. Многие страны: Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, другие государства, в том числе и Россия – принимали участие в этой войне. Четвертый год продолжались кровопролитные сражения. Тысячи и тысячи людей каждый день погибали на фронте. В войне были заинтересованы капиталисты.

Войну надо было остановить.

Советское правительство отдало верховному главнокомандующему русскими войсками приказ немедленно обратиться ко всем воюющим странам с предложением срочно прекратить военные действия и заключить перемирие.

Верховным главнокомандующим в это время был бывший царский генерал Духонин. Ставка верховного главнокомандующего в городе Могилеве.

– Перемирие? Приказ?! От Советского правительства? – возмутился Духонин.

Не признал генерал Духонин Советскую власть. Отказался выполнить распоряжение Советского правительства. Не пожелал говорить о мире.

Владимир Ильич Ленин из Петрограда, из Смольного, по прямому проводу специально в Могилев позвонил Духонину. Потребовал Ленин, чтобы генерал Духонин немедленно выполнил указание Советского правительства.

Отказался Духонин признать приказ революционного Петрограда.

Тогда Советское правительство сместило Духонина с поста верховного главнокомандующего.

Не признал Духонин и этот приказ. Поднял генеральский мятеж в Могилеве. Восстала ставка против Советской власти.

– Солдат подниму! До Петрограда дойду! – грозился Духонин.

Ошибся Духонин. Не поддержали его солдаты. Ясно солдатам, за что Духонин, – за войну, за порядки старые. Пошли солдаты против генерала Духонина. В схватке его убили.

Провалился и в ставке мятеж против Советской власти.

Много говорили солдаты в те дни о генерале Духонине:

– Не хотел мира.

– Хотел войны.

– Война есть война. На войне убивают. Вот и убит Духонин.

Новый верховный главнокомандующий был назначен. Стал им большевик, бывший прапорщик Николай Васильевич Крыленко.

Не стало старой, контрреволюционной, враждебной трудовому народу ставки. Летит, как набат, призыв:

– Мир! Мир! Всем народам и странам мир!

Каледин

Не утихают мятежи генеральские. Каледин, как и Духонин, тоже бывший царский генерал. Как и Духонин, он злейший враг новой революционной России. На Дону, на юге России, поднял Каледин мятеж против Советской власти.

Генерал Каледин – донской атаман. Столица Каледина – город Новочеркасск. Сюда, на Дон и в Новочеркасск, и бежали в первые же дни после победы Великой Октябрьской революции многие бывшие царские генералы и офицеры. Составляют на Дону генералы генеральские планы:

– Силы здесь соберем.

– Весь Дон на борьбу поднимем.

– Отсюда с Дона пойдём на Москву.

Прибывают к Каледину все новые и новые пополнения.

– Смерть Советам!

– Ура Каледину!

Быстро действовали мятежники на Дону. Вышли к Донбассу. Захватили Ростов. Заняли Таганрог.

Быстро действовали и защитники Советской власти. На борьбу с Калединым двинулись красногвардейские соединения. Трудовые казаки поднялись против Каледина. Из Петрограда, из Москвы, из других городов спешили на юг отряды. Прибыли на помощь красногвардейским соединениям и черноморские моряки.

Завязались бои с Калединым.

Трудно тягаться донскому атаману с народными силами. Полно у него генералов. Полно у него офицеров. Мало солдат у Каледина. Где бы их взять? Где бы достать? Не по пути с генералом простым солдатам. Пути и дороги разные.

Разбили красногвардейские части в Донбассе войска Каледина. Разбили Каледина под Таганрогом. Погнали к Новочеркаску. Погнали к Ростову.

Всё хуже и хуже дела у Каледина.

Каждое утро является к нему адъютант. О положении войск докладывает. Печально звучат доклады. Даже сам генерал Каледин об этих докладах как-то сказал:

– Погребальный звон.

Вот снова спешит адъютант с докладом. Постучал в кабинет Каледина:

– Ваше превосходительство!

Не отвечает Каледин. Вновь постучал адъютант:

– Ваше превосходительство!

Не отвечает Каледин.

Приоткрыл адъютант кабинетную дверь. Голову сунул, глянул и ахнул.

Мертвым в кабинете лежал Каледин. Понял Каледин – силы не равные. Не тягаться ему с трудовым народом. Застрелился. Пулю пустил в генеральский лоб.

«Романтическая фигура»

Не везло контрреволюционным генералам. Генерала Духонина убили восставшие против него солдаты. Генерал Каледин застрелился сам. А вот и еще один генерал – Корнилов.

Все, кто ненавидел Советскую власть, восторгались в те дни Корниловым:

– Ох, ох, романтическая он фигура!

Был генерал Корнилов, так же как и Духонин, когда-то верховным главнокомандующим русской армией. Летом 1917 года, боясь пролетарской революции, двинул генерал Корнилов с фронта на Петроград войска. Решил взять власть в свои руки. Установить военную диктатуру.

Однако провалился поход Корнилова. Не пустили его к Петрограду. Задержали. Посадили Корнилова под арест. Содержался генерал Корнилов под стражей недалеко от военной ставки, от города Могилева, в небольшом городке Быхове.

Покровительствовал новый верховный главнокомандующий генерал Духонин прежнему верховному главнокомандующему генералу Корнилову. Сделал все для того, чтобы Корнилов бежал из-под стражи.

Довольны все недовольные новой властью:

– Бежал! Бежал! Из-под стражи бежал Корнилов!

Узнали поклонники генерала, что бежал он верхом на коне. Что убили во время бегства под ним коня:

– Ах, ах, верхом на коне!

– Ах, ах, убили под ним коня!

– Ох, ох, романтическая он фигура!

Бежал генерал Корнилов, как и многие другие враги Советской власти, на Дон, к генералу Каледину. Добирался с большим трудом. В крестьянском простом зипуне. С паспортом на чужое имя.

Снова вздыхают приверженцы генерала:

– Ах, ах, в крестьянском простом зипуне!

– Ах, ах, и паспорт при нем на чужое имя!

– Ох, ох, романтическая он фигура!

Пробрался на Дон генерал Корнилов. Сражался вместе с Калединым против советских войск. Неважно сложились дела у Каледина. Разбили его красногвардейские полки. Застрелился Каледин. Корнилов же с Дона бежал на Кубань.

Довольны все недовольные новой властью:

– Ах, ах, на Кубань ушел генерал Корнилов!

– Ах, ах, верит в успех Корнилов!

– Ох, ох, романтическая он фигура!

Однако не повезло на Кубани Корнилову. В одном из боев разорвался шальной снаряд. И надо же, словно искал Корнилова! Убит Корнилов.

Конец фигуре!

Помимо Керенского, Духонина, Каледина и Корнилова, нашлись и другие, кто попытался в те дни пойти с оружием в руках против Советской власти. Неудачей закончились и их выступления. Не поддержку, а народный гнев встречали повсюду бывшие царские генералы. Не долго бы терзали они страну. Но тут вмешались новые силы. На помощь богатеям России пришли иностранные капиталисты. Начали они военный поход против молодой Советской России.

Разгорелась борьба, разрасталась война. Поднялись над Россией крутые волны.

В кольце врагов

– Айн! Цвай! Раз! Два!

– Айн! Цвай! Раз! Два!

Первыми свои войска против Советской России двинули немецкие капиталисты.

– Айн! Цвай!

– Айн! Цвай!

Шагают, зловещим маршем идут войска. Широким фронтом от Балтийского до Черного моря движутся.

– Фаустшлаг! Фаустшлаг! Удар кулаком! – выкрикивают немецкие солдаты.

«Удар кулаком» – назвали немецкие захватчики свой поход против революционной России.

Движут, движут, идут войска.

– Айн! Цвай!

– Айн! Цвай!

Двинули свои войска и английские капиталисты.

– Уан! Ту! Уан! Ту! Раз! Два! Раз! Два! – звучат команды на английском языке.

Пришли английские войска на Советский Север, захватили города Мурманск, Архангельск. Военным министром Англии в те годы был Уинстон Черчилль. «Души ребенка, пока в колыбели», – шипит из далекого Лондона Черчилль.

– Уан! Ту! Уан! Ту! – оглушают команды Советский Север.

Раздаются команды на французском языке. Это на территорию нашей Родины пришли войска французских капиталистов.

Звучат команды на японском языке. Это на земли Советской России, на Советский Дальний Восток пришли японцы.

Американцы вторглись на наши земли.

По-итальянски звучат команды. По-турецки. Даже звучат по-гречески.

С запада, с севера, с юга, с востока обрушились на нашу страну захватчики.

Недоброе, злое, лихое время. Советская Россия оказалась в кольце врагов.

Почему да почему

Приставал Климка к отцу:

– Почему да почему иностранные капиталисты лезут к нам, почему помогают белым?

Объяснял, как умел, отец:

– Потому что рыбак рыбака видит издалека. Капиталисты помогают капиталистам.

– А еще?

– Потому, что ненавидят капиталисты Советскую рабоче-крестьянскую нашу власть.

– А еще?

– Потому, что богатства русские не дают им, сынок, покоя.

Климке всего пять лет. Стараются отец объяснять так, чтобы понятнее было мальчику.

В России в те годы многие заводы, фабрики, шахты и другие богатства страны принадлежали иностранным капиталистам. Было так и в тех местах, в которых жил Климка со своими родителями.

– Гуверку знаешь? – спрашивает отец.

– Так кто же ее не знает, – ответил Климка.

Гуверкой называли проходившую в их местах железную дорогу.

– А почему она Гуверка?

– Гувер – ее хозяин.

– Был, – уточнил отец. – А кто такой Гувер?

Повел Климка плечами. Как-то не думал об этом раньше.

– Американский капиталист, – ответил отец за Климку. И тут же опять с вопросом: – А куда ведет Гуверка?

– На шахты, – ответил Климка.

– А чьи это шахты?

– Наши!

– Наши они теперь. А были?

Задумался Климка.

– Гуверу до революции принадлежали шахты, – сказал отец.

Узнал Климка, что и лесопильные заводы, что стояли недалеко от их мест, принадлежали до революции Гуверу. И пароходы, что ходили недалеко от них по реке, тоже принадлежали Гуверу.

– И баржи? – спросил мальчишка.

– И баржи, – сказал отец.

– А теперь все наше?

– Наше, – сказал отец. – Так ясно, почему иностранные капиталисты идут на Советскую власть походом?

– Ясно, – ответил Климка.

Имя американского капиталиста Гувера было Герберт. В 1929 году Герберт Гувер стал президентом Соединенных Штатов Америки. Вырос к этому времени Климка. Климком из Климки стал. 1929 год. 12 лет уже прошло с того времени, когда в нашей стране произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. А Америка все еще не хотела признать Советскую Россию.

Да где же американским капиталистам было признавать Советскую страну, если сам президент Америки о потерянных шахтах своих и пароходах думал.

День рождения

– Социалистическое Отечество в опасности!

– Социалистическое Отечество в опасности!

Таким было обращение к советскому народу партии большевиков. Владимир Ильич Ленин написал слова этого обращения.

Для защиты завоеваний Великого Октября надо было создать свою, революционную Красную Армию.

Вопрос о создании Красной Армии обсуждался еще до того, как немецкие захватчики напали на нашу Родину.

В середине января 1918 года Советское правительство приняло Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Один из первых батальонов Красной Армии был создан в Петрограде. Перед отправкой на фронт батальону был устроен торжественный смотр.

Владимир Ильич Ленин тоже приехал на этот смотр.

Узнали красноармейцы:

– Ленин едет! Ленин!

– Выступать будет!

Действительно – Владимир Ильич выступил перед красноармейцами.

– Приветствую в вашем лице, – обратился к красноармейцам Ленин, – тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут славную революционную армию.

Стоят в шеренгах красноармейцы.

Иванов на Петрова голову скосит.

Петров на Сизова глянет.

– И эта армия, – продолжал Ленин, – призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть...

Стоят красные бойцы. Сизов на Козлова глянет. Козлов на Сидорова голову скосит.

Говорит Ленин. Разлетаются ленинские слова над красноармейским строем.

Стоят красные бойцы. Застыли. Слушают Ленина. Небывалая рождается армия – Советская, Красная.

23 февраля 1918 года под городами Псковом и Нарвой молодые полки Красной Армии вступили в бой и нанесли удар по войскам немецких захватчиков.

С тех пор день 23 февраля стал всенародным праздником – днем рождения Красной Армии.

Сто тысяч марок

Далеко в пределы Советской России продвинулись войска немецких захватчиков. Заняли Прибалтику, большую часть Белоруссии. Оккупировали Украину. Захватили Крым. Вышли к Дону, к Ростову. Высадили десанты на Черноморском побережье Кавказа. Дошли до Тифлиса и Кутаиса.

Идут по советской земле захватчики. А следом:

– Сто тысяч марок объявлено!

– Сто тысяч марок!

– За что?

– За кого?

– За Николая Щорса.

Да, действительно, за жизнь Николая Щорса немецкие генералы объявили вознаграждение в сто тысяч немецких марок. Марки – так назывались немецкие деньги. Сто тысяч марок – это телега денег.

За что же ненавидели немецкие захватчики Щорса? Николай Щорс – знаменитый герой украинского народа. С первых же дней Гражданской войны он дал клятву биться за Советскую власть и за счастье родной земли. Когда-то в давней истории прославленным борцом за свободу Украины был отважный полковник Иван Богун. Первый полк, который создал Николай Щорс для борьбы с врагами, был назван именем Богуну. Богунский полк, а затем Таращанский – такое название он носил по имени Таращанского уезда, в котором был создан, – и положил начало прославленной 1-й Украинской дивизии, командиром которой и стал Николай Щорс.

Молод Щорс. Всего двадцать четыре года. Молод Щорс. Однако бойцы называют начдива «батькой».

– Какой же я «батько»! – разводит руками Щорс.

В полках у Щорса есть и такие, что в отцы, чуть ли не в деды ему годятся.

– Какой же я «батько»! – смеется Щорс.

– Батько, батько, – в ответ бойцы.

По уму величают. За справедливость, за строгость ценят. Во всем он «батько». В жизни, в геройстве – «батько». То есть пример для всех.

– Сто тысяч марок объявлено!

– Сто тысяч марок!

– За что?

– За кого?

– За Николая Щорса!

Бился Щорс с немецкими оккупантами до самого их изгнания с Украины. Сражался затем с другими врагами украинского народа. Город Киев освобождал, города Чернигов, Житомир, Винницу, Бар, Проскуров.

Не дожил Щорс до полного дня победы. Погиб в боях за прекрасную Украину.

Прошагали, промчались годы. Ныне в Киеве возвышается памятник Николаю Щорсу. Сидит верхом на коне начдив. Поднял он руку. Застыл навеки. Приветствует нас, нашу землю и наше время.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

Новороссийск. 1918 год. Июнь. Разгар лета. На Новороссийском рейде застыли корабли Черноморского флота. Вот эскадренный миноносец «Пронзительный», вот «Калиакрия», вот «Гаджибей». Тут же миноносцы «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Фидониси», «Сметливый», «Стремительный». А вот и линкор – линейный корабль дредноут «Свободная Россия». Поднялся линкор над морем. Стоит как стена, как глыба. Трубы уперлись в небо. Пушки уперлись в море.

Тихо на рейде. Тихо на кораблях. Не видно матросов. Команд не слышно.

Зато тысячи людей собрались на берегу. Матросы. Солдаты. Женщины. Дети.

– Господи!

– Значит, правда!

– Как же без них, братишки?!

Стоят корабли на рейде. Чуть в стороне от всех – миноносец «Керчь». «Керчь» – единственный из кораблей, на котором видна команда. У торпедных аппаратов стоят матросы. Кукель – командир миноносца – на командирском мостике.

Подал Кукель команду. Сорвалась торпеда. Пошла к «Фидониси». Покатился над морем взрыв. Отозвался в душах матросских плачем. «Фидониси» стал погружаться в воду. Развива-

ется над миноносцем красный флаг. А рядом на мачте виден морской сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Почему же свои по своим стреляют?

Новые взрывы слышны над морем. Всё меньше на горизонте боевых кораблей. Вот исчез под водой «Гаджибей». Вот – «Пронзительный», вот – «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый», «Стремительный».

Почему же свои по своим стреляют?

А вот погружаться в Черное море стал линейный корабль «Свободная Россия». Шесть мин направил в линкор миноносец «Керчь», прежде чем качнулся, стал погружаться дредноут в море.

Затопив другие корабли Черноморского флота, «Керчь» и сама последней ушла под воду.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

«Погибаю, но не сдаюсь!»

Почему же революционные моряки затопили корабли Черноморского флота?

Украину и Крым захватили немцы. В Черное море вошли немецкие корабли. Враги пытались захватить наш Черноморский флот. Они требовали от Советского правительства передачи им боевых кораблей.

Решений могло быть два. Либо отдать корабли немецким захватчикам, либо их потопить.

Советское правительство приняло решение затопить Черноморский флот. В Новороссийск был послан даже специальный посыльный от товарища Ленина.

Исполнили черноморские моряки приказ Советского правительства. Легли корабли на дно Черного моря.

«Погибаю, но не сдаюсь!» – прозвучала над морем морская клятва.

Кайзер

Видели как-то братья-двойняшки Тимиш и Тараска в каком-то журнале на картинке портрет немецкого императора – кайзера Вильгельма. Запомнилось им лицо. Особенно поразили усы. Торчали они вверх, как две длинные и острые пики.

– Как пики, – сказал Тимиш.

– Как пики, – сказал Тараска.

И вот случилось невероятное. Крутились однажды ребята у реки, у запруды, таскали раков. Смотрят: едет отряд немецких верховых. Мундиры, черные каски на головах. Шишаки на касках. Впереди верхом на буланом коне важно сидит офицер. Всмотрелись ребята – и ахнули. Узнали ребята лицо. Те же глаза. Тот же нос. Как пики, кверху торчат усы.

Схватил Тимиш Тараску за руку, сжал.

– Кайзер, – шепчет, – кайзер...

– Кайзер... – шепчет в ответ Тараска.

Затаились ребята в кустах. Переждали. Рванулись потом домой в родную свою Причеповку. Примчались, бросились к деду.

– Кайзер, – шепчут, – кайзер!..

Дед туговат на ухо.

– Что, какой майзер?

– Кайзер! – кричат ребята.

Растолковали они наконец старому про немецкий отряд и про немецкого императора. Сам император, сам кайзер приехал в Причеповку!

Подивился немало дед. На внуков недоверчиво глянул.

Разместился немецкий отряд в Причеповке на ночевку. Прибыл и к ним постоялец.

Вот же судьба бывает. Глянули Тимиш и Тараска – он, кайзер!

Вновь зашептали деду:

– Он, кайзер...

Разыскали ребята журнал, фотографию. Глянул дед – действительно кайзер.

Расположился кайзер на отдых. Зевнул. Заснул. Не спится ребятам. Не спится деду.

– Дедусь, давай схватим!

– Кляп ему в глотку!

Задумался дед. Трубку достал. Набил табаком. Затянулся раз, и второй, и третий.

– Вот так дела, – произнес старик.

Собрался дед, куда-то ушел.

А среди ночи явились в село партизаны. Незаметно пробрались в хату. Схватили, скрутили немца, кляп ему в рот забили.

Притащили партизаны пленника в лес. Вынули кляп из горла.

– Кайзер? – спрашивают.

Хлопает тот глазами.

– Кайзер?

Не понимает кайзер.

Достали они фотографию.

– Ду ист кайзер? Ты – кайзер?

Показывают пленнику фотографию.

Понял немец, в чем дело.

– Найн! – закричал. – Найн! Их бин офицер Курт Шмульц!¹

Переживали Тимиш и Тараска, что вовсе не кайзер схвачен. Разгорелись у них фантазии. Все строили планы, как бы всё же поймать немецкого императора. В Германию даже бежать собралось.

Не пришлось. Не понадобилось. Вскоре сами немецкие рабочие и крестьяне добрались до своего императора. В Германии произошла революция. Сбросил немецкий народ кайзера, как русский царя Николая.

Пришлось немецким генералам убираться с советских земель.

Продали

– Продали нас, продали, – говорил Иржи Ружичка.

– Не может быть! Как так – продали?! – поражался Душан Швестка.

– Как, как! Очень просто. Как продают? Взяли и продали.

Даже сумму Ружичка называл, за которую их продали, – 15 миллионов рублей.

Иржи и Душан – чехословацкие солдаты. Иржи Ружичка – чех, Душан Швестка – словак.

– Продали, продали, – повторяет Ружичка.

Не верит Швестка. Не может быть! Иржи, наверно, шутит.

Тогда достал Иржи Ружичка чехословацкую газету «Прокупник Свободы» («Пионер Свободы»), раскрыл, показал Душану Швестке. Читает Швестка: «Французские миллионы». Так называлась статья. Прочел Швестка статью. Всё ясно. Действительно, и он, и Иржи Ружичка, и другие чехословацкие солдаты за 15 миллионов проданы.

В годы, когда шла Первая мировая война, Чехословакия входила в состав Австро-Венгерской империи. Австро-Венгрия, так же как и Германия, воевала против России. В России оказалось немало пленных австро-венгерских солдат, в том числе много чехов и словаков. Составился целый корпус.

После того как произошла Великая Октябрьская революция, пленным чехословакам разрешили покинуть Россию. Путь чехословацкого корпуса из России лежал через Сибирь и Дальний Восток.

Тронулись в путь солдаты. На сотни километров по Сибири растянулись железнодорожные составы, которые везли чешских и словацких солдат.

Однако зарубежные капиталисты хотели, чтобы чехословаки остались в России. Они рассчитывали поднять чехословаков на борьбу против Советской власти. Чешских и словацких солдат стали пугать тем, что якобы Советское правительство собирается их заключить в Сибири в специальные лагеря, а затем кому-то выдать.

– Выступайте, пока не поздно, против Советской власти. Выступайте! – раздавались голоса наших врагов.

Не все, конечно, чешские и словацкие солдаты поверили в эти выдумки. Иржи Ружичка не поверил. Душан Швестка не поверил. Не поверили и многие другие. Знали они, в чем правда. Руками чешских и словацких солдат иностранные капиталисты надеются задушить Советскую власть. 15 миллионов рублей, о которых говорил Иржи Ружичка, были как раз те

¹ Нет! Нет! Я офицер Курт Шмульц! (нем.)

деньги, которые передали зарубежные капиталисты на организацию мятежа чехословацкого корпуса.

– Выступайте! Выступайте против Советской власти, – продолжают нашептывать чешским и словацким солдатам. – Выступайте, пока не поздно.

Удалось все же врагам советской России обмануть многих чехословацких солдат. В мае 1918 года восстание чехословацкого корпуса началось.

Однако не все чешские и словацкие солдаты выступили против Советской власти.

Иржи Ружичка не пошел.

Душан Швестка не пошел.

И они, и сотни других вступили бойцами в Красную Армию.

Идет у красных бойцов перекличка:

– Иржи Ружичка!

– Я!

– Душан Швестка!

– Я!

Выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек, написавший знаменитую книгу «Похождения бравого солдата Швейка», тоже вступил в Красную Армию. Тоже за Советскую власть сражался.

Помнят советские люди помощь чешских и словацких друзей. Память хранят благодарную.

«Слушай мою команду!»

Вся железная дорога от Урала до Владивостока оказалась в руках у солдат мятежного чехословацкого корпуса. К белочехословакам присоединились и местные белогвардейцы. Вместе они и пошли против Советской власти. Пали сибирские города Ново-Николаевск (ныне это город Новосибирск), Красноярск, Иркутск, Омск. На Урале белые заняли Екатеринбург и Челябинск. Белые двинулись к Волге, шли на Самару, на Симбирск (сейчас это город Ульяновск), на Казань.

Не продвинулись белочехословаки и белые дальше Самары, Симбирска, Казани.

Для борьбы с врагами был срочно создан Восточный фронт. На восток были посланы пополнения.

Особенно упорные бои с белыми и белочехословаками развернулись у города Казани. Здесь, под Казанью, и стал Серафим Лютков командиром роты. Был рядовым, а стал командиром роты. Вот как случилось это. Сражался Лютков под Свияжском. Это недалеко от Казани. Трудные были бои. Упорные. Взвод Серафима Люткова оказался как раз на самом ответственном месте боя. Хорошо сражались бойцы. Отважно.

Командир взвода был к тому же у них надежный, опытный. И вдруг сразила командира взвода белогвардейская пуля. Как раз в это время белые снова пошли в атаку. Собрались наши ответить своей атакой. А тут командир убит.

– Взводный убит!

– Взводный убит!

Замешкались наши. Надо идти в атаку. Однако нет взводного. Нет команды. Пошли голоса:

– Команду подай...

– Кто команду подаст?..

– Команда нужна!..

Нет команды. Вновь голоса:

– Команда нужна!..

– Команда!..

Вот тут-то и поднялся Серафим Лютков:

– Слушай мою команду. В атаку! Ура! Вперед!

Встал и первым пошел вперед. Рванулись за ним другие. Ударили красноармейцы в штыки. Откатились белые.

Пошел в атаку взвод Люткова. А за этим взводом соседний взвод. А за соседним еще соседний. Рота за ротой. Рота за ротой. Устремился весь полк вперед.

Уже после боя командиры стали выяснять, кто же поднял в атаку взвод.

– Лютков! Серафим Лютков!

Назначили Люткова командовать взводом. Справился он со взводом. Командовать ротой его назначили. Наши как раз подошли к Казани. Командиром роты Лютков и вступил в Казань. Ясно другим: не с небес вожаки спускаются – командиры в бою рождаются.

Симбирск и Самара

Много было врагов у Советской власти. Явных. Неявных. Скрытых. Открытых. Выжидающих. Недобитых.

В числе врагов были и эсеры. «Эсеры» – слово сокращенное. Эсеры – значит социал-революционеры. Существовала в России такая партия. Называли себя эсеры революционерами. Хотя на самом деле стали контрреволюционерами. Повели эсеры открытую борьбу против Советского правительства, против партии большевиков, против товарища Ленина.

30 августа 1918 года эсерка Фани Каплан стреляла во Владимира Ильича.

Ленин выступал на митинге перед рабочими одного из московских заводов. Подходил после митинга к автомобилю. Здесь у автомобиля и притаилась Фани Каплан. Две пули послала в Ленина.

«Всем! Всем! Всем! – разнеслось сообщение. – Всем! Всем! Всем!» Газеты известили о злодейском покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина.

Положение Ленина было тяжелым. Пули оказались отравленными.

В эти дни особенно упорные бои шли на Восточном фронте. Разгорелись они и вокруг Симбирска – родного города Владимира Ильича. Отважно сражались красные бойцы. Хотелось им взять Симбирск и доставить приятное известие товарищу Ленину.

Основной удар по Симбирску наносила сводная Симбирская стрелковая дивизия, которой командовал прославленный красный командир Гая Гай.

9 сентября. Ранний рассвет. Красные начали наступление. Весь день шел бой. Продолжался он и 10-го, и 11 сентября. Всё ближе и ближе подходили красные войска к Симбирску. Оставалось всего два километра. Гай дал приказ к решительной атаке. Устремились войска вперед. Шли на штурм полки Московский, Орловский, 1-й Симбирский, 2-й Симбирский. Был под Симбирском и Польский добровольческий кавалерийский дивизион.

Ворвались красные бойцы в Симбирск. Взяли Симбирск. Освободили. Полетела в Москву к Владимиру Ильичу телеграмма.

«Дорогой Владимир Ильич! – писали бойцы. – Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара!»

Получил телеграмму Ленин. Тут же ответ отправил. «Взятие Симбирска, моего родного города, есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны, – писал Владимир Ильич. – Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Читают бойцы телеграмму:

– От Ленина!

– От Владимира Ильича!

- Поправляется Ленин!
- Да здравствует Ленин!

Прошло немного времени – новая телеграмма с Восточного фронта приходит к Ленину. Сдержали красные бойцы свое слово: Красная Армия освободила город Самару. Вся Волга свободна. Отброшены белые – красноармейцы доносят Ленину.

Скоропадские

Годы Гражданской войны были очень сложными на Украине. Еще в декабре 1917 года на Украине была провозглашена Советская власть. Однако нашлись и другие силы. Создали они на Украине буржуазную Центральную Раду. Пошла Центральная Рада войной против своего народа, против Советской Украины, против Советской России.

- Войной против своего народа?!
 - Войной против Советской Украины и Советской России?!
- Ясно всем: не удержится долго такая Рада.

И правда, недолго продержалась на Украине Рада. Пала.

- Скоро скончалась. Скоро пала. Скоропадская, – кто-то сказал про Раду.

Пришли на Украину немецкие оккупанты. Помогли они врагам Советской власти создать новое правительство на Украине. Во главе Украины, как в стародавние времена, был поставлен гетман.

- Гетман! – смеялись на Украине.

Интересуются на Украине, кто же стал гетманом Украины. Узнают – генерал.

- Генерал?

– Генерал.

- Бывший?

– Бывший!

- Царский?

– Царский!

- А фамилия, как фамилия?

Узнают и фамилию – Скоропадский.

- Скоропадский?!

– Вот это да!

- К самому месту, считай, фамилия.

И верно. Не долго продержалось на Украине гетманство. Пал Скоропадский. Под видом раненого немецкого офицера вывезли немцы гетмана с Украины.

Неспокойно по-прежнему на Украине. Силы новые рвутся к власти. Возникла Директория. Стал властвовать на Украине Симон Петлюра. По его фамилии всех, кто выступал против Советской власти, против Советской Украины и Советской России, стали называть петлюровцами. Повели войска Советской Украины борьбу с Директорией и петлюровцами. Отступают петлюровцы. Переезжает Директория в специальном поезде из города в город. Все меньше и меньше украинской земли, над которой властвует Директория.

Шутят на Украине:

- В вагоне Директория, а под вагоном территория.

- Петля по Петлюре плачет.

Сбросил народ Украины Раду, сбросил гетмана, сбросил Петлюру и Директорию.

Вздохнули свободно на Украине:

- Кончились Скоропадские!

Группа Якира

Молод совсем Якир. Двадцать два года всего Якиру.

Во время боев с белыми на Украине большая группа красных войск была отрезана от своих. Произошло это на юге Украины. Группа так и стала называться Южной.

Разные были тогда предложения. Одни выступали за то, чтобы регулярные полки Красной Армии превратить в партизанские отряды, другие – за то, чтобы уйти в подполье и мелкими группами продолжать борьбу. Нашлись и такие, которые говорили:

– По домам, хлопцы, расходись. По домам. Песенка наша спета.

Но было и еще одно мнение. Пробиваться через заслоны, через кордоны врагов. Идти на север. На севере, в 400 километрах от этих мест, находились регулярные советские части.

За поход на север был и командующий Южной группой Иона Эммануилович Якир.

Двинулись с боями полки на север.

Умно поступал молодой командующий. Вот одно из его командирских решений.

Была у Южной группы своя радиостанция. Явился к радистам однажды Якир.

– Готовьтесь к работе, – сказал командующий.

– Какая же будет работа? – гадают радисты. – Кругом враги. Тут бы лучше молчать, не дышать, не двигаться.

– Двигаться лучше, двигаться! – рассмеялся Якир.

Присел к аппарату, стал диктовать радистам.

Диву даются радисты. Обращается Якир к командирам разных полков и бригад. Благодарит за победы.

Благодарит. А в Южной группе полков и бригад таких вовсе нет. И побед таких вовсе нет.

Называет Якир трофеи. Мол, взяли столько-то пулеметов. Мол, взяли столько-то пушек.

Мол, столько-то пленных в боях захвачено.

Диву даются радисты.

– Какие трофеи?! Откуда?! Какие пулеметы и пушки?! Откуда, скажите, пленные?!

Перехватывают белые передачу Якира:

– Вот так группа Якира! Берегись этой группы. Сторонись этой группы. Грозная очень группа.

Пугают, сбивают белых с толку передачи Якира. Сообразили радисты:

– Это ж военный прием! Это ж военная хитрость!

С боями пробилась на север группа Якира. Сокрушила заслоны, смела кордоны, пришла к своим. Встречают свои отважных бойцов. Идет впереди Якир. Молод совсем Якир. Двадцать два года всего Якиру.

Котовский

В группе Якира была бригада, которой командовал Григорий Котовский.

Многое бывало в жизни и боевых делах комбрига Григория Ивановича Котовского. Из царских тюрем бежал. Из ссылок. Даже военным судом был приговорен к смертной казни через повешение. Но такого... Нет, не случалось такого с ним.

Многое бывало в жизни Котовского. Скрываясь от царских ищек, выдавал себя за чиновника, за помещика, за священника. Даже одно время с огромной серьгой в левом ухе ходил. Скрывался под видом заморского шкипера. Но такого... Нет, не случалось такого с ним.

– Да разве похож я на белого генерала?! – возмущался Котовский.

А надо сказать, люто ненавидел Котовский белых.

Шла на Житомир тогда бригада. Сложной была обстановка вокруг Житомира. Восточнее Житомира находились войска белых. В самом Житомире и западнее города стояли петлюровцы.

Взяли Житомир красные. Посоветовали командиры Котовскому торжественно вступить в город. Обычно Котовский ездил верхом на коне. А тут уговорили комбрига въехать в Житомир в автомобиле. Был в бригаде автомобиль. Большой. Неуклюжий. С открытым верхом.

Построились котовцы. Впереди автомобиль с Котовским. Тронулись. Вот и входят бойцы в Житомир.

Смотрит Котовский – какая-то делегация спешит навстречу. Человек двадцать. Будет приветствие, понимает Котовский. Приосанился. Саблю перед собой поставил.

Поравнялась делегация с автомобилем. И сразу же в двадцать глоток:

– Ваше превосходительство! Ура вашему превосходительству!

И тут же запели: «Боже, царя храни...»

Опешил Котовский. Да тут же, в чем дело, понял. Была перед ним делегация от богачей города. Ждали они белых. Решили: в Житомир вступают белые. Приняли Котовского за белого генерала.

Разбушевался Котовский:

– Ах вы такие, сякие, разэтакие! Меня, красного командира, и вдруг с беляком, с генералом спутать!

Успокаивают друзья Котовского:

– Так вид солидный!

– Так взгляд орлиный!

– Автомобиль их спутал. Автомобиль.

Долго не мог успокоиться Котовский. Наконец остыл:

– Подать сюда Орлика!

Подвели к Котовскому любимого его коня. Вспрыгнул лихо Котовский на Орлика. Сабля слева. Маузер справа. Гимнастерка. Фуражка. Звезда на фуражке красная. Не спутать теперь комбрига. Ясно: верхом на коне Котовский. Ясно любому: в Житомир вступают красные.

Влетел и вылетел

Идет борьба на Востоке, на Западе, на Украине, идет и на Крайнем Севере.

Иностранными войсками, захватившими Советский Север, командовал английский генерал Пуль.

Любил генерал Пуль переписываться с друзьями. Садился за стол. Брал бумагу. Сообщал друзьям в Англию все до малейших подробностей.

Сразу же написал, что первым в мурманский порт пришел английский крейсер «Глори». Точно указал дату. Было это 6 марта 1918 года. Затем написал про английский крейсер «Кокрен». «Кокрен» прибыл в Мурманск 14 марта. Написал про крейсер «Адмирал Об», который привез французских солдат. Снова число поставил -18 марта. Следующее письмо генерал Пуль отправил в мае. Писал про американцев. Мол, приплыли сюда и американские солдаты. Прибыли на крейсере «Олимпия». Было это 24 мая.

Любил точность во всем английский генерал.

– Для истории, для истории, – повторял Пуль.

Стали захватчики продвигаться на юг от Мурманска.

«Взяли Кемь», – строчит генерал очередное письмо на родину.

Действительно, захватили интервенты Кемь. Весь Кольский полуостров в руках у захватчиков.

«Взяли Сороку», – торопится похвастать друзьям генерал Пуль.

Верно, взяли интервенты Сороку. Еще дальше спустились к югу.

Снова генерал склоняется над бумагой.

«Взяли Онегу», – летит через океан генеральское донесение.

Верно, захватили интервенты город Онегу. Вышли к южной оконечности Белого моря.

Говорят, аппетит во время еды приходит. Вот и у генерала Пуля.

– Петрозаводск возьму, – уверяет Пуль. – До Петрограда, – грозит, – пойду.

Не дошел Пуль до Петрозаводска, до Петрограда. Остановили интервентов советские бойцы.

Продвинулись захватчики до реки Онда. Пуль отправил очередное свое письмо. В конце приписал: «Тороплюсь, идем дальше». Однако дальше не получилось. Застряли захватчики на реке Онда.

Пишет генерал Пуль свои письма, а в них всё Онда да Онда. Всё Онда да Онда. Дальше ни шагу.

Злиться стал генерал. Даже охота писать письма пропала.
Не получилось у генерала Пуля с Петрозаводском и Петроградом. Отозвали его из России.

– Пулей влетел, пулей и вылетел! – смеялись тогда над Пулем.

Пуговица

Смотрел Юшка на пуговицу. И так, и этак разглядывал. Пуговица большая, шинельная. Впервые Юшка такую видит. Львиная морда на пуговице. Уставился лев на Юшку. Морду оскалил.

Вот-вот бросится.

Как же Юшке досталась пуговица?! Жил Юшка Скрябин недалеко от станции Обозёрская. Это километрах в ста пятидесяти на юг от Архангельска. Пришел в Обозёрскую слух, что город Архангельск захватили чьи-то войска.

– Англичане пришли в Архангельск, – говорили тогда одни.

– Да где же англичане, когда – французы, – возражали другие.

– Американцев, американцев в Архангельске видели!

Приехал из Архангельска местный мужик Поликарп Нуда. Полезли к нему крестьяне.

Одни:

– Англичане в Архангельске?

– Ага, англичане, – отвечал Поликарп Нуда.

Вторые:

– Французы в Архангельске?

– Ага, французы.

Третьи:

– Американцы в Архангельске?

– Ага, американцы. И итальянцы, – добавил Поликарп Нуда.

– И итальянцы?!

– И итальянцы, – сказал Поликарп Нуда. – И сербы.

– И сербы?!

– И сербы, – сказал Поликарп Нуда. – И финны.

– И финны?!

– И финны, – подтвердил Поликарп Нуда.

Расширяют свою агрессию иностранные капиталисты. Всё новые и новые войска посылают они в Советскую Россию. Захватив Архангельск, интервенты решили идти из Архангельска на Вологду, на Москву.

Недалеко от станции Обозёрской, в тех местах, где жил Юшка Скрябин, и произошло большое сражение с интервентами.

Самого боя Юшка не видел. Однако знает: жаркой была схватка. Не устояли в бою захватчики. Не пустили их дальше Обозёрской красные бойцы. Разбили. Назад отбросили.

После боя и подобрал Юшка Скрябин необычную пуговицу. От шинели английского солдата она оказалась.

Хвастал Юшка своей находкой. Подружкам, друзьям показывал. Лев на английской пуговице. Морду оскалил. Вот-вот и бросится.

– Потерял английский солдат, – объясняет любому Юшка.

Деду Спиридону Захаровичу тоже пуговицу показал.

– Английский солдат потерял, – начинает Юшка.

Покрутил дед в руках пуговицу. На льва посмотрел внимательно.

– Д-да. Потерял... Потерял... Кабы бы пуговицу, – вдруг произнес старик. – Совесть они потеряли. В чужой дом, как разбойники, Юшка, лезут...

Не знал Юшка – спасся ли, погиб ли солдат. Может, унес из России ноги. Может, оставил в бою здесь не только пуговицу, но и сложил свою голову.

Сохранилась у Юшки пуговица. Смотрит на Юшку державно английский лев. Морду оскалил. Морщится.

Из далекого штата Мэн

Живой американцы народ, общительный.

– Я из Флориды.

– Я из Техаса.

– Я из Канзаса.

– Из Арканзаса.

– Из Каролины.

– Из Колорадо.

– Из Невады.

– Из штата Мэн.

В январе 1919 года на Советском Севере завязались упорные бои за Шенкурск. Хоть и не равняй его по размерам с Архангельском, с Мурманском, однако на важном месте стоял Шенкурск. Рвались здесь интервенты на Котлас, на Вятку (теперь это город Киров). Образовался Шенкурский выступ.

Шенкурск и прилегающие к нему села захватили американцы.

Места – северные, нелюдные. Морозы стояли трескучие. Доходили без малого до сорока градусов.

Разместились американские солдаты в крестьянских избах. Хороши здесь, надежны крестьянские избы. Бревна чуть ли не в три обхвата. Паклей проложены. Просмолены. Проконопачены. Венцы с венцами надежно схвачены.

Идет от избы к избе:

– Как там у вас?

– Тепло.

Конечно, тепло. Приятно с мороза в дом. То ли дело – из дома сейчас на улицу.

Самая близкая к Шенкурску деревня называлась Высокая Гора.

– Как там у вас в Высокой Горе?

– Тепло.

– Как там у вас в Шенкурске?

– Тепло.

Конечно, тепло. Приятно с лихого мороза в дом. То ли дело, если вдруг скажут тебе: на улицу!

Расположились американцы в Шенкурске, в соседних селах. Замело все кругом снегами. Морозы в январской силе. Сидят солдаты в избах, в тепле, в уюте. Переживают морозы. Спокойны захватчики. Кто же в такие снега, в такие морозы к Шенкурску двинется.

Однако Красная Армия шла к Шенкурску. Пришла, обрушивалась неожиданно на интервентов, выбивала на холод из теплых сёл.

У деревни Высокая Гора разгорелся с интервентами главный бой. Гремели пушки. Взвывалось «ура!» в атаках. Не удержались. Бежали из Высокой Горы захватчики. Вступили наши войска в Шенкурск.

Бежали американцы назад к Архангельску. Однако не все. Меньше ушло, чем прибыло. Полегли на советской земле захватчики. Спят вечным сном солдаты.

Кто из Флориды.
Кто из Техаса.
Из Канзаса.
Из Арканзаса.
Из Каролины.
Из Колорадо.
Из Невады.
Из далекого штата Мэн.
Спят вечным сном солдаты. В далекой стране России их кости в снегах лежат.

«Жду скорого ответа»

Одним из красных командиров, возглавлявших советские войска на Севере, был бывший царский генерал Самойло.

Узнал красноармеец Степан Бессонов, что старший над ними – бывший царский генерал, ушам своим не поверил.

– Генерал?

– Генерал, – отвечают Бессонову.

– За Советскую власть?

– За Советскую власть.

– Против буржуев?

– Выходит, против.

– Не может быть, не может быть, – твердил Бессонов. – Царский генерал – и за Советскую власть!

Решил поначалу Бессонов, что шутят над ним товарищи. А когда понял, что это вовсе не шутка, стал возмущаться и бушевать:

– Генерал – и над нами командует! Над красными бойцами! К стенке его! К стенке! Расстрелять!

Потом чуть поостыл.

– Как же так... Как же так... – повторял Бессонов. – Не знает об этом товарищ Ленин.

Владел он немного грамотой. Решил написать письмо в Москву Владимиру Ильичу Ленину.

Достал бумагу, перо. Вывел: «Дорогой товарищ Ульянов-Ленин!» И далее стал писать о том, что вот, мол, у них здесь, на Северном фронте, пробрался на командную должность классовый враг – бывший царский генерал. «Его бы поставить к стенке, – писал Бессонов, – а он командует целой советской армией». И все от него, от Ульянова-Ленина, про это, видать, скрывают. А он, красноармеец Степан Бессонов, решил открыть товарищу Ульянову-Ленину глаза, потому и пишет. «Жду скорого ответа», – закончил письмо Бессонов.

Перечитал Бессонов письмо. Остался доволен. Хотел отправлять, да заминка случилась с конвертом. А пока мастерил конверт, произошло очень важное событие. В Москве состоялся партийный съезд. На съезде обсуждался вопрос о Красной Армии. Выступал Ленин. И вот тут – долго затем над этим Бессонов думал – Ленин стал говорить о том, что для того, чтобы побить сильных врагов, нам нужна армия дисциплинированная, хорошо обученная. Что должны мы привлекать в Красную Армию людей, знающих военное дело. Говорил о бывших царских офицерах и генералах. Не спорил Ленин – многие из них оказались среди врагов Советской власти. Но есть и такие, которые готовы служить трудовому народу. Служить искренно, честно. Красная Армия должна привлекать таких людей. Ленин назвал несколько фамилий. В том числе и фамилию генерала Самойло.

Потрясен был Бессонов:

– Выходит, про Самойло известно Ленину...

Думал, думал в ту ночь боец. Потом встал. Вынул свое письмо. Еще раз пробежал глазами. Незаметно от всех порвал.

Честно служил Советской власти генерал Александр Александрович Самойло. Даже орденом Красного Знамени был награжден. Это под его командованием под Шенкурском одержали наши войска победу.

– Вот видишь, – говорили друзья Бессонову. – А ты его к стенке, Степан, хотел.

Смущался, краснел Бессонов:

– Было. Так ведь царский, так ведь бывший... Что было, то было. Было, да с талой водой ушло.

Подарок Ленину

Не любил Владимир Ильич Ленин подарков. Отказывался. А тут принял. Принял и даже благодарил.

Продолжают иностранные захватчики терзать Советскую Россию. Особенно страдали земли у берегов Черного моря. Раньше здесь бесчинствовали немецкие оккупанты. Теперь в порты Черного моря вошли английские и французские корабли. Французские войска захватили Одессу и стали продвигаться на север. Навстречу интервентам выступили красные полки.

Французские солдаты были хорошо вооружены. Пулеметы в войсках, орудия. Танки. Танки новенькие. Марки «Рено».

Ходили красные бойцы в разведку. Вернулись, докладывают:

– Пулеметы у французов, орудия. Танки. Танки новенькие, только что с завода. Марки «Рено».

Были уверены французские захватчики, что неприступны их позиции для Красной Армии.

– Пулеметы у нас, орудия. Танки новенькие. Марки «Рено». Только что с завода. Прибыли для испытаний.

В марте 1919 года севернее Одессы, недалеко от станции Березовка, между частями Красной Армии и французскими войсками произошел бой.

Упорным был бой под Березовкой. От станции остались одни развалины.

Собрали красные свои силы в мощный кулак. Ударили, прорвали оборону захватчиков. Взяли Березовку, пошли вперед.

Много трофеев красным в бою досталось. Попали и французские танки. Считают красноармейцы:

– Раз.

– Два.

– Три.

– Четыре.

– Пять.

Раздаются веселые голоса:

– Новенькие.

– Только что с завода.

– Исправные.

– Марки «Рено».

– Были французские. Теперь наши.

Решили бойцы один из танков послать в подарок Владимиру Ильичу Ленину. Долго не раздумывали. Пригнали танк на станцию. Погрузили на платформу. Загудел паровоз. Поехал трофей в Москву.

Принял подарок Ленин. Благодарил. Письмо специальное даже бойцам направил. Писал в письме о геройстве красных полков, о растущей силе Красной Армии.

Многие из москвичей видели этот танк. В день 1 мая 1919 года его показывали в Москве на Красной площади.

Смотрят в Москве на танк:

- Новенький.
- Марки «Рено».
- С Южного фронта.
- Подарок Ленину.

Покрасовался «Рено» в Москве. Погрелся стальными боками на майском солнце. Поехал опять на фронт. За Советскую власть сражаться.

Недобрая сила

Крестилась бабка Степанида, крестилась. Била земные поклоны, била. Представьте – чертовщина привиделась бабке. Торопилась утром она к соседке. Понадобилась срочно зачем-то соседка бабке. Только на улицу вышла... Как тут! Шел навстречу ей человек. Вроде солдат. Глянула. Ахнула. Застыла, как суслик на поле, бабка. В женской юбке шагал солдат.

– Привиделось. Сила нечистая! – током прошибло бабку.

Бросилась старая в церковь. Била земные поклоны, била. Свечку Богу поставила. Во всех грехах своих трижды покаялась. И в том, что сварлива. И в том, что скупа. И в том, что Фалалейку, своего непутевого внука, нещадно дерет за ухо.

Вышла бабка на улицу. Чуть успокоилась:

– Отведет от беды Господь.

Жила бабка на юге, у Черного моря, в городе Севастополе. Недоброе время для этих мест. Были немцы. Теперь пришли англичане, пришли французы.

– Эка, как осы на сладость прут, – сокрушалась старая Степанида.

Шагает из церкви бабка. Только свернула к себе в проулок, видит – навстречу двое. Снова солдаты. Глянула бабка. Покатилось сердце к ногам у бабки. Идут солдаты навстречу старой. Лица и руки черны, как смоль.

– Свят, свят... – закрестилась бабка.

Снова несется в церковь. Снова спина в поклонах. Снова ставит Господу Богу свечку.

Вышла из церкви. Идет Степанида. Сняла с души грехи. Чиста перед Богом, как вода родниковая.

Вышла из церкви. И что же – целая колонна марширует солдат. Глянула бабка – во всем белом идут солдаты, словно каждый укутан в саван. Качнулась от дива бабка. Прислонилась к углу дома. Закатились глаза у бабки.

Не знала старая Степанида, что английские и французские захватчики не только сами пришли в Севастополь, но и пригнали солдат из своих колоний.

Крестится, крестится, крестится бабка.

– Сила нечистая... Сила нечистая... – шепчет. Бледна, как стена, как смерть.

Подвернулся здесь Фалалейка.

– Так это ж стрелки заморские, – стал объяснять он бабке. Толкует про Африку, про колонии, про дальние страны, про то, что силой погнали сюда солдат.

Смотрела, смотрела на внука бабка. Схватила за ухо и снова свое:

– Сила нечистая! Сила нечистая!

– Их силой погнали! – кричит мальчишка.

Не отпускает бабка Фалалейкино ухо. Словно бы ухо во всем виновато.

– Буржуи погнали. Буржуи английские, буржуи французские, – тараторит мальчишка.

Собрались около бабки и Фалалейки люди.

– Сила недобрая, сила нечистая, – снова выводит бабка.

Не спорили люди с бабкой. Конечно, недобрая, нечистая сила погнала сюда солдат. Капиталисты английские, капиталисты французские – вот эта сила.

«Ехал Грека...»

Вместе с французами и англичанами пришли на Черное море и греческие войска. Действовали они в низовьях Днепра и Южного Буга, у городов Херсона и Николаева. Десант, высаженный с греческих кораблей, вступил и в город Хорлы.

Недалеко от этих мест действовал партизанский отряд под руководством Прокофия Ивановича Тарана. Был в отряде матрос Алексей Гончаров.

Привязалась к матросу про грека скороговорка. Напевает Алексей Гончаров:

Ехал грека через реку.

Не все в отряде скороговорку знали.

– Так, так. А что там дальше?

Продолжил Гончаров:

Видит грека: в реке рак.

– А дальше?

Сунул грека в реку руку...

– А дальше?

Рак за руку грека – цап!

Смеются бойцы. Понравилась им скороговорка.

– Сам выдумал?

– Нет, – отвечает Гончаров. – Кто-то другой нашелся.

Собрал командир партизанского отряда Прокофий Таран своих помощников. Решили они в районе Хорл совершить налёт на греческих захватчиков. Закончил Таран совещание. Вышел на улицу. Слышит:

Ехал грека через реку.

Видит грека: в реке рак.

Сунул грека в реку руку,

Рак за руку грека – цап!

Рассмеялся Прокофий Таран:

– Здорово кто-то выдумал!

Совершили партизаны налёт на греческий десант. Захватили в плен греческих солдат, важного греческого офицера, захватили три быстроходных катера.

Смотрит Прокофий Таран на важного греческого офицера, на три быстроходных катера, смеется:

– Не суй, ваше благородие, руку в чужую реку!

Отпустили партизаны пленных греческих солдат. Однако боевые катера не вернули. Создали свою партизанскую флотилию. Матроса Алексея Гончарова назначили ее командующим. Поднялся Гончаров на капитанский мостик. Посмотрел с высоты на катер:

– Хороша, хороша штуковина! Была – ваша, стала – наша. От буржуинов неплох гостинец.

Сказал – и тут же снова свое, задорное:

Ехал грека через реку.
Видит грека: в реке рак.
Сунул грека в реку руку,
Рак за руку грека – цап!

Забей-ворота и Мухоперец

Весной 1918 года боевая обстановка на юге сложилась так, что целой армии – называлась она Пятой Украинской – пришлось совершить героический переход с Украины через донские степи к Волге, к городу Царицыну (теперь этот город называется Волгоград).

На Дону в это время бушевал белогвардейский мятеж. Поднял его генерал Краснов.

Передвигалась наша армия по железной дороге. Двигалась армия, а вместе с ней две еще такие же армии – это женщины, старики и дети, которые уходили вместе с красными, не хотели оставаться под властью белых. Восемьдесят железнодорожных составов двигалось с запада на восток.

Тяжелым был путь Пятой Украинской армии. Шли семьдесят дней. Шли с боями, с потерями. Белые взрывали железнодорожное полотно, мосты, водокачки. Пройдет армия несколько верст – остановка. Бои с врагами. Пройдет несколько верст – опять остановка. Опять бои.

Командовал Пятой Украинской армией бывший луганский слесарь большевик Климент Ефремович Ворошилов.

Один из жарких боев с белыми провели бойцы Пятой Украинской армии под станицей Милютинская.

Был среди красных молодой командир Иван Ульянович Забей-Ворота. Это фамилия у него такая необычная. Рвется на белых Забей-Ворота.

Узнали красные разведчики, что под Милютинской собралась большая группировка белоказаков. По приказу Ворошилова двинулись сюда несколько красных отрядов.

Собрались командиры отрядов, стали разрабатывать план наступления. Договорились к Милютинской подходить осторожно, скрытно. Один из отрядов подойдет к Милютинской с востока – глубоким оврагом, балкой, другой с запада – берегом протекавшей здесь речки Березовой. Третий зайдет и ударит с севера.

Цель у красных командиров – уничтожить находившихся в этих местах белоказаков. Для этого надо было противника полностью окружить.

Решают командиры, кто же устремится в атаку с юга, закроет кольцо окружения.

Здесь же в числе других находился Забей-Ворота.

Посмотрели все на Забей-Ворота:

– Так вот кто ударит с юга.

Поручили ему и его отряду захлопнуть кольцо окружения.

Приняли командиры решение, смеются:

– Забей ворота, Забей-Ворота!

Отлично молодой командир с заданием справился. И верно – «забил ворота». Разгромили красные белоказаков.

Во многих боях на юге сражался Забей-Ворота. Уже потом, когда войска Ворошилова благополучно дошли до Царицына и начались тяжелые бои за Царицын, стал Забей-Ворота начальником полевого штаба Морозовско-Донецкой дивизии.

Начальником же дивизии был красный командир по фамилии Мухоперец.

Посмеивался Ворошилов:

– Подобрались же фамилии... Подобрались!

Прогремела слава Морозовско-Донецкой дивизии в борьбе за Царицын. И красные и белые хорошо о дивизии знали.

– Это та, где начальником Мухоперец?

– Это та, где начштаба Забей-Ворота?

Сторонились дивизии белые:

– Не к добру, не к добру фамилии.

Командарм Десятой

Совершили войска Ворошилова героический переход. Пришли в Царицын. Обороняла Царицын Десятая армия. Стал Ворошилов командовать этой армией.

Кровопролитные развернулись бои за Царицын. Важно генералу Краснову быстрее ворваться в город. Стоит Царицын на Волге, на перекрестке больших дорог. На юг, на север, на запад бегут пути. Хлеб с Северного Кавказа, нефть из Баку, хлопок из Средней Азии идут через Царицын в центральные районы России. Возьмешь Царицын – считай, за горло схватил Россию.

– За горло возьмем Советы, – твердил генерал Краснов.

Понимают и красные всю важность города.

Клянутся красные устоять в Царицыне.

Клянутся белые взять Царицын.

Нелегко приходилось Десятой армии. Нелегко командарму. Бойцы из разных областей входили в Десятую армию. Были в ее рядах луганские металлисты, харьковские рабочие, донецкие шахтеры, донские красные казаки. Отряды из Киева, из Нежина, из Полтавы. Сражался под Царицыном даже отряд, который состоял из одесских грузчиков.

Всюду, у всех побывал Ворошилов. Все знали в лицо своего командарма. Все глазами своими видели.

На одном из участков царицынской обороны, у станции Воропоново, неожиданно прорвалась белоказацкая конница. Момент был критический. Силы неравные. Летит, как лавина, конница. Казалось, не быть спасению. Многие от неожиданности дрогнули. Начали отступать.

– Стойте! Стойте! – раздался повелительный голос.

Схватил кричащий смельчак кем-то оставленный пулемет. Развернул, припал к прицелу. Открыл огонь по атакующим.

Остановились другие. Вернулись. Отбили удар врага.

– Молодец, пулеметчик. Молодец! – хвалили бойцы пулеметчика.

Подожли, смотрят, а это сам командарм Десятой.

И на другом участке, уже у самой границы города, тоже, казалось, вот-вот и прорвутся белые. Стеной поднимались враги в атаку. Казалось, минута – и дрогнет красная оборона. И вдруг:

– Товарищи, за мной, вперед! Ура!

Непонятно, откуда появился здесь командарм. Бросился в атаку. Устремились за ним другие. Решительной атакой отбили белых.

– Молодец, молодец! – хвалили после боя бойцы командарма. – Вовремя здесь оказался, вовремя поднял народ в атаку.

Умело, самоотверженно руководил Ворошилов обороной Царицына. То он на поле боя. То он над картой в штабе. То отдает приказы. То обсуждает планы. «Вот тебе и бывший слесарь!» – поражались белые генералы. «Ясный ум» – даже враги в белогвардейских газетах о нем писали.

До последнего дня Гражданской войны на разных фронтах бился Ворошилов с врагами Советской власти. Вскоре после окончания войны он стал заместителем, а затем и народным комиссаром по военным и морским делам. Ворошилов был в числе пяти первых советских военачальников, которым Советское правительство присвоило высокое воинское звание – Маршал Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны маршал Ворошилов занимал высокие командные посты в Красной Армии, являлся членом Ставки Верховного Главнокомандования.

Долгие годы Климент Ефремович Ворошилов был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он скончался в 1969 году и похоронен в Москве на Красной площади.

Добыча

Белый казак Федька Зудов читал бумагу:

«Кзаки! Станичники! При взятии Царицына даю вам полную волю и свободу на три дня. Все, что будет захвачено в городе, – ваше. Можете забирать и направлять к себе домой, родным. Всем близлежащим станицам, хуторам даю свободу действий в разделе добра, отбитого у большевиков в Царицыне, и отправке его по домам. Да поможет вам Бог в победе над красными супостатами!

Атаман Всевеликого войска Донского Краснов»

Бумагу показал Зудову Гришка Хлудов.

– Где взял? – спрашивает Федька Зудов.

– У Мишки Блудова, – отвечает Хлудов.

Кзаки Зудов, Хлудов и Блудов – все из одной станицы. Как раз недалеко от Царицына расположена их станица.

Бумагу, которая побывала у них в руках, действительно подписал генерал Краснов. Стремится он взять побыстрее Царицын. Подзадоривает кзаков. Пообещал им отдать город на три дня на разграбление.

Довольны белые кзаки. Царицын город большой, небедный. Будет добыча, будет пожива. То-то добра привалит!

Слетали Зудов, Хлудов и Блудов к себе в станицу. Коней запрягли в возы. Пригнали возы к Царицыну. Укрыли в балках поближе к городу.

Размечтались мародеры станичники.

Мечтает Федька Зудов:

– Перину возьму пуховую. – Подумал. – Нет, две. Подушек возьму штук пять. – Подумал. – Нет, десять. Два сундука разным добром набью. – Подумал. – Нет, три. – Еще раз подумал. – Пожалуй, возьму четыре. Э-эх, не один бы, два бы воза сюда пригнать!..

Мечтает о поживе и Гришка Хлудов. Палец за пальцем на руках загибает:

– Шуба на медвежьем меху – это раз. Тулупчик на заячьем – это два. Шапка бобровая – это, выходит, три. – Далее было четыре и пять. С одной руки перешел на другую: – Самовар тульский с медалями – шесть, платок оренбургский с узором – семь. – Далее было и восемь, и девять, и десять.

Не хватает на руках у Хлудова пальцев. Хоть разуйся, снимай сапоги и на ногах считай. Размечтался и Мишка Блудов.

Часы с боем – его желание. А кроме часов:

– Вот бы попало чудо: граммофон – инструмент играющий.

Ждут в станице Федьку Зудова, Гришку Хлудова, Мишку Блудова. Ждут других кзаков.

– Скоро, скоро приедут станичники. Чтоб кзакам да не взять Царицына!

Мальчишки бегают к косогору. Вдаль ястребами смотрят. И вот:

– Едут! Едут!

Действительно, едут, идут возы.

– Что ж за богатства везут добытчики?

Подъехал к родному дому первый воз. Глянули люди. Где же добыча? Федька Зудов лежит в возу. Федька Зудов лежит в гробу.

Подъехал к родному дому второй воз. Глянули люди. Где же добыча? Гришка Хлудов лежит в возу. Гришка Хлудов лежит в гробу.

Подъехал к родному дому третий воз. Глянули люди. Мишка Блудов в возу лежит. Мишка Блудов сном непробудным спит.

А как же Царицын?

Царицын все так же в руках у красных.

История с продолжением

Генерал Краснов – старый противник Советской власти. Это он командовал теми войсками, которые в октябре 1917 года бросил Керенский на Петроград. Это он сражался с красногвардейскими отрядами под Царским Селом, под Пулковом.

Разбиты были Керенский и Краснов. Керенский бежал. Краснов же попал к красногвардейцам в плен. Привезли генерала Краснова в Петроград, в Смольный. Долго беседовали.

Стал генерал просить, чтобы его простили. Честное генеральское слово дал, что никогда не поднимет больше оружия против Советской власти.

Поверила Советская власть Краснову. Отпустили его на свободу.

Однако не сдержал генерал Краснов генеральского слова. Обманул он Советскую власть. Бежал из Петрограда на Дон к донскому атаману генералу Каледину. А вскоре, после того как застрелился Каледин, Краснов и сам был избран донским атаманом.

– Ура атаману Краснову!

– Ура! – гремело тогда на Дону.

В чине донского атамана и повел генерал Краснов войну против Советской власти. Летом и осенью 1918 года бои с генералом Красновым были одними из самых важных в борьбе за молодую Советскую Республику.

Трудно было Советскому государству. На западе хозяйничали немцы. На востоке восстали белочехословаки. Советский Север захватили англичане и американцы. И вот с юга стал наступать генерал Краснов.

В сентябре 1918 года для борьбы с генералом Красновым был образован Южный фронт.

Неудачно сложилось для нас начало. Красная Армия на юге была малочисленной. Оружия не хватало. В штаб Южного фронта даже пробрались изменники.

– Наша берёт! Наша берёт! – торжествовал генерал Краснов.

Однако рано радовались белые. Нашлись у Красной Армии нужные силы.

Собирался генерал Краснов захватить Царицын. Трижды походом ходил на Царицын. Не получилось. Не взят Царицын.

Воронеж надеялся взять Краснов. Не по зубам оказался ему Воронеж.

Даже идти на Москву донской атаман грозился. Не получилось ничего у него с Москвой.

Разбила Красная Армия белую армию генерала Краснова. Бежал Краснов за границу. Правда, не так далеко, как Керенский. Не во Францию, не в Соединенные Штаты Америки. Ближе – в Германию.

Не кончилась на этом история генерала Краснова. Когда в 1941 году на нашу страну напали немецкие фашисты, оказалось, жив и здоров генерал Краснов. Жив и здоров и заодно с фашистами. Даже фашистскую форму надел. Даже на Дон приезжал. Всё надеялся вместе с фашистами уничтожить Советскую власть.

Разбила фашистов Советская Армия. Снова, как тогда под Петроградом в октябре 1917 года, попал в плен генерал Краснов.

Однако не брали на этот раз советские люди с него генеральского слова. Не вели разговоры долгих. Судили Краснова советским судом. Судили. Вспомнили всё. Повесили.

Бакинские комиссары

Слева и справа лежат пески. Слева и справа простор пустыни. Бежит паровоз по рельсам. Вагоны стучат на стыках. Гудки разрываю́т небо.

Стража сидит в вагонах. Километр, километр... Километр, километр... Все ближе минута страшная.

Продолжают иностранные интервенты терзать Россию. Юг. Советское Закавказье. Советская Средняя Азия. И сюда пришли оккупанты. Именно в те дни, когда в Советском Закавказье и Советской Средней Азии хозяйничали английские войска, произошла одна из самых тяжелых трагедий Гражданской войны – были расстреляны 26 бакинских комиссаров.

Советская власть в Баку установилась 31 октября 1917 года. Вскоре был создан Бакинский Совнарком – Совет Народных Комиссаров во главе со Степаном Шаумяном. Круто стала меняться жизнь Советского Азербайджана. В районе Баку – богатейшие залежи нефти. Бакинский Совнарком национализировал нефтяную промышленность, отнял ее у богачей, передал государству.

Город Баку стоит на берегу Каспийского моря. Баку – порт, в порту – пароходы и корабли. И они принадлежали богачам бакинским.

Бакинский Совнарком национализировал морской флот и передал его в руки народа.

Труженики Азербайджана стали получать землю. На заводах и фабриках был введен 8-часовой рабочий день.

Местным капиталистам, конечно, не понравились такие порядки. Они ждали момента, чтобы уничтожить Советскую власть. И такой момент наступил. 4 августа 1918 года Баку захватили английские войска. Советская власть в Баку была свергнута. Степан Шаумян и другие бакинские комиссары были схвачены и брошены в тюрьму.

Вскоре к Баку стали подходить новые захватчики – турецкие интервенты. Бакинским большевикам в последний момент удалось освободить из тюрьмы 26 бакинских комиссаров. Они сели на пароход «Туркмен» и отплыли из Баку. Все были уверены, что бакинские комиссары на свободе. Но получилось иначе. На пароходе «Туркмен» оказались враги. Они привели пароход на противоположный берег Каспийского моря, в город Красноводск. Красноводск находился во власти английских интервентов. По приказу английского коменданта Красноводска полковника Баттина бакинские комиссары были вновь заключены в тюрьму. Другой английский офицер – капитан Реджинальд Тиг-Джонс вместе с местными белогвардейцами и предпринял судьбу бакинских комиссаров.

Ночью их тайно посадили в поезд. Вывезли на 207-ю версту от Красноводска. Вытолкали из вагонов. Увели в пески.

Солдаты подняли ружья. Прозвучала команда. Бакинские комиссары были расстреляны.

«Мы умираем за коммунизм! Да здравствует коммунизм!» – были последние слова отважных борцов за народное счастье.

Джентльмен

«Джентльмен» – слово английское. Означает оно «воспитанный, благородный человек».

– Я – джентльмен. Я – джентльмен, – любил говорить английский генерал Маллесон.

Генералу сэру Вильхоридому Маллесону были подчинены английские войска, которые вторглись на территорию Советской Средней Азии.

Это с ведома генерала Маллесона была произведена расправа над 26 бакинскими комиссарами.

Это генерал Маллесон всё время подталкивал местных белогвардейцев к выступлению против Советской власти.

Это он, генерал Маллесон, организовал настоящий грабеж в Средней Азии. Хлопок и другие богатства потекли из Средней Азии к английским капиталистам.

Прославился генерал Маллесон и еще одним. Для расчетов с местным населением выпустил генерал Маллесон специальные денежные обязательства. Были они напечатаны на английском и русском языках. Вот одно из таких обязательств:

«Именем великобританского правительства я обязуюсь заплатить через три месяца предъявителю сего пятьсот рублей». Далее шла подпись: *«Генерал-майор Маллесон. Великобританская военная миссия»*.

Бойко пошли дела у генерала Маллесона.

Понравился конь арабский. Вынимает свои расписки.

Приглянулся ковер персидский. Вынимает свои расписки.

Залюбовался серебряным кувшином. Тянет свои расписки.

– Я – джентльмен. Я – джентльмен, – повторял генерал Маллесон и всовывал вместо денег листки-загадки.

Немногие верили бумажкам английского генерала. Обижался Маллесон:

– Я же джентльмен. Человек воспитанный. Верну по-джентльменски через три месяца.

Прошло три месяца. Затем и еще три. Затем и вовсе прогнала Красная Армия Маллесона из Средней Азии.

Бежал Маллесон. Остались в память о нем денежные расписки. Смотрят жители на эти расписки. Вспоминают английского генерала.

– Надул!

– Обманул!

– Ну и ну!

– Джентльмен английский!

И тут же:

– Ладно с ними, с расписками. Не жалко денег. Бежали захватчики – это главное.

«Олсо белив!»

Нелегко иностранным войскам в России. Трудно солдатам. Трудно матросам. Все чаще у солдат возникают вопросы:

– Зачем мы тут?

– Против кого воюем?

Деревня Кадыши маленькая-маленькая. Затерялась она на Севере, в заонежских дальних лесных просторах. Сто разных карт переберешь, перетряхнешь, пока Кадыши найдешь.

В декабре 1918 года стояли здесь друг против друга две роты 339-го американского полка и красноармейские роты.

Едва заметный, занесенный снегом овраг между ними.

Идут среди наших бойцов разговоры:

– Американцы на той стороне.

– Интересно поближе глянуть.

– Что ж там за люди?

– Люди как люди, – кто-то сказал в ответ.

И у американцев о наших речь:

- Русские там за оврагом.
- Посмотреть бы поближе.
- Из мира иного люди.
- Люди как люди, – кто-то сказал в ответ.

Любопытно американцам. Любопытно, конечно, и нашим. Высунулся было из-за укрытия один из красных бойцов. «Стрельнут, не стрельнут?» Сдержались американцы. Не раздался из-за оврага выстрел.

Высунулся кто-то и с той стороны. «Стрельнут, не стрельнут?» – гадают американцы. Не открыли огонь наши. Не грянул раскат над полем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.